

3. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года: постановление Правительства Саратовской области от 30 июня 2016 г. № 321-П. URL: <http://docs.cntd.ru/document/467710021>

4. Анхольт С., Хильдрет Дж. Бренд Америка: мать всех брендов / пер. с англ. М., 2010.

5. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. с англ. М., 2007.

6. Паничкина Г.Г., Черняева К.О. Городская идентичность как основа построения коммуникаций власти и общества (по результатам эмпирического исследования) // Местное самоуправление в системе публичной власти: сборник научных трудов. Саратов, 2015. С. 86–88.

7. Fedyunina S., Panichkina G. Formation of Regional Brand: Geomarketing and Image Resources of the Territory // Proceedings of EDULEARN16 8th International Conference on Education and New Learning Technologies (Barcelona, July 4–6, 2016). URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers2.cfm?abstract_id=2841119

E.I. Pashinina, A.V. Ruchin

Non-Standard Employment Practices of Youth in the System of Stratifying Factors of Rural Areas

On the basis of the empirical material the current trends in employment of rural youth are considered. It is grounded that the parameters of the availability of jobs for young people are essentially related to the territorial and administrative type of settlement. A number of constraints on the development of new forms of employment-oriented information technology are analyzed.

Key words and word-combinations: rural youth, non-standard forms of employment, stratification, labor market, employment strategies.

На основе эмпирического материала рассматриваются современные тенденции в сфере занятости сельской молодежи. Доказывается, что параметры доступности рабочих мест для молодежи тесно связаны с территориально-административным типом поселения. Анализируются ограничения, затрудняющие развитие новых форм занятости, ориентированных на информационные технологии.

Ключевые слова и словосочетания: сельская молодежь, нестандартные формы трудовой занятости, стратификация, рынок труда, трудовые стратегии.

DOI 10.22394/1682-2358-2017-1-97-104

УДК 331:316.341.35

ББК65.24+60.54

Е.И. Пашина, А.В. Ручин

**НЕСТАНДАРТНЫЕ ФОРМЫ
ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ
В СИСТЕМЕ
СТРАТИФИЦИРУЮЩИХ
ФАКТОРОВ
СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ***

Анализ стратификационных процессов в сфере занятости с учетом характеристик административно-территориального деления способствует раскрытию в сельской местности механизмов разрешения социальных проблем, связанных с необходимостью улучшения качества жизни. В таком контексте категория «занятость» становится фактором преобразования социальной структуры, повышения уровня социального благополучия жителей села.

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 14-03-18043

Переход к рыночным условиям породил новые формы стратификации в сфере занятости, обусловленные делением на «дорогие» для содержания работодателем (социально защищенные и обеспеченные льготами) стандартные рабочие места и «дешевые» нестандартные [1]. Эта стратификационная тенденция была порождена массовым нарастанием безработицы раннего постсоветского периода ввиду сокращения численности работников, банкротства промышленных предприятий и организаций крупного и среднего бизнеса, и как следствие, снижения спроса на «стандартно» социально защищенных профессионалов.

Развитие рыночных отношений, малого бизнеса и самозанятости происходило в условиях формирования заказа на мобильных, многофункциональных и креативных работников, способных трудиться в гибком временном режиме и быстро меняющихся условиях. Как результат, формируется запрос на качества гибкости рынка труда, при котором возникли, согласно И.В. Цыганковой, В.А. Базжиной, О.Ю. Никишиной [2], новые формы нестандартной занятости (заемные виды труда, телетруд, занятость с гибким рабочим днем, фриланс) и поддержаны традиционные (временная, непостоянная, случайная занятость и др.).

Отсутствие одного из критериев стандартной занятости (работа у одного работодателя, оборудованное работодателем рабочее место, стандартная рабочая нагрузка, бессрочный трудовой договор, наличие формального трудового договора), по мнению Т.А. Камаровой, является признаком нестандартной занятости. К современным формам нестандартной занятости автор относит дистанционную занятость, фриланс, аутстаффинг (включающий работу вахтовым методом), аутсорсинг, заемный труд, смартстаффинг, аутплейсмент [3].

Нестандартные формы занятости определяются исходя из противопоставления с так называемой стандартной занятостью, осуществляемой «по найму в режиме полного рабочего дня на основе бессрочного трудового договора на предприятии или в организации» [1]. Учет существования вторичного рынка занятости предполагает такие характеристики (по В. Гимпельсону и Р. Капелюшникову), как неполная, непостоянная, неформальная, недозанятость или сверхзанятость, самозанятость, вторичная занятость, при этом для обозначения нестандартных отношений занятости используются также англоязычные термины: «atypical», «precarious», «peripheral», «marginal», «flexible». Появление форм нестандартной занятости в России связано, на взгляд этих авторов, с фрагментарным соблюдением трудового законодательства и в большей мере проявилось в личных приусадебных хозяйствах, при недозанятости, сверхзанятости, работе по устной договоренности, слабом использовании неполной или срочной занятости на контрактной основе [1].

Особого внимания заслуживают факторы, вызывающие сокращение объема стандартной занятости молодежи на сельском рынке труда. Дефицит рабочих мест в сельской местности, высокий уровень безработицы порождает появление нестандартных форм занятости сельской молодежи, связанных с

поиском работодателей в других городах и районах, выходом за пределы сельского рынка труда.

П.П. Великий на примере Волгоградской, Самарской и Саратовской областей исследует особенности феномена неохотничества, понимаемого как сезонная трудовая миграция сельских жителей и выездная работа на длительный срок, учитывая как его негативное влияние на развитие сельского хозяйства, состояние здоровья, семейные отношения, так и позитивное воздействие на материальное благополучие семей и домохозяйств [4]. Причинами, порождающими неохотничество, считаются отсутствие или низкое качество вакансий сельского рынка труда, необходимость реализовывать потребности в профессиональном саморазвитии, в социальных и материальных благах.

З.И. Калугина исследует явления неохотничества и вахтового метода работы, рассматривая их, с одной стороны, как обостряющие кадровые проблемы на селе, а с другой — как привлечение необходимых трудовых ресурсов на промышленные объекты крупных городов [5]. Привлекательность рабочей силы из числа сельской молодежи для городских работодателей, по мнению О.В. Мартыновой, повышается ввиду распространения современных информационных технологий и связи на территории России, что способствует проникновению дистанционной занятости в том числе на сельские рынки труда, на которых можно рекрутировать более дешевую рабочую силу [6].

Концепция долгосрочного социально-экономического развития России ориентирована на повышение уровня и качества жизни сельского населения, пересмотр места и роли села во внутренней российской политике. В связи с этим план мероприятий по устойчивому развитию аграрного сектора [7] содержит набор важных стратегий, нацеленных на поддержку малых форм хозяйствования, включая сельскохозяйственные кооперативы, развитие промыслов и ремесел, туризма, создание высокотехнологичных сельскохозяйственных предприятий. Однако стабильному развитию села пока препятствует нехватка рабочих мест, требующих квалификации, что выражается в росте социального неравенства, ухудшении социально-демографических показателей, оттоке молодежи из села в город.

Таким образом, сегодня занятость сельского населения становится ключевым фактором не только продовольственной, но и геополитической безопасности России.

В центре исследовательского внимания оказывается социальное пространство села, контрастно отражающее противостояние традиционных и инновационных трудовых практик, располагающих потенциалом развития нестандартных форм занятости. В качестве альтернативы стандартным формам занятости формируются неполная и сезонная занятость, удаленная работа и вахтовый метод, самозанятость, способствующие преодолению структурных ограничений сельского рынка труда, дефицита рабочих мест.

Существующие исследования фриланса как типа нестандартной занятости показывают особые характеристики образа и стиля жизни его привержен-

цев, которые могут быть представлены в следующей типологии: «опытные фрилансеры, мамалансеры, хобби-фрилансеры, студенты-фрилансеры и фрилансеры — востребованные работники» [8]. В условиях риска и неопределенности современного общества эти формы занятости, по мнению В. Харченко, меняют установки работников о предпочтительности стандартных рабочих мест, рабочего времени, социальных гарантий на неформальные, временные, проектные практики занятости.

Актуальность анализа нестандартных форм занятости в системе стратифицирующих факторов сельских сообществ как в теоретическом, так и прикладном аспекте определяется потребностью изучить особенности трудовой деятельности современной сельской молодежи с целью поиска решений проблемы кадрового «голода» в сельской местности.

В исследовании важными являются следующие параметры:

- особенности социального неравенства в сфере занятости сельской молодежи локального и межрегионального значения;
- установки молодежи на трудовую мобильность внутри и между регионами;
- доступ к информации и новым техническим средствам коммуникации; полиструктурность профессиональных стратегий и жизненных стилей;
- характеристики соотношения форм стандартной и нестандартной занятости; образовательный и возрастной фактор в профессиональной сегментации сельского рынка труда;
- самоидентификация молодежи как элемента социально-экономической структуры сельского сообщества;
- ресурсы и инфраструктура села и в целом региона как характеристики привлекательности и стартовых возможностей для молодежи.

Социологическое исследование практик занятости сельской молодежи, влияющих на ее жизненные возможности, устойчивость социального положения, перспективы развития села, проводилось с использованием метода интервью в русле качественной методологии. Информантами в нашем исследовании были представители сельской молодежи, проживающие в Саратовской, Самарской и Волгоградской областях ($N = 30$). Под сельской молодежью обычно понимают группы людей от 18 до 30 лет, рождение и взросление которых происходило преимущественно в сельской местности. Поскольку основными видами занятости молодежи являются обучение и стартовая трудовая деятельность, нами были опрошены группы сельской молодежи на предмет выбора стратегий занятости, места жительства.

Существенного отличия в оценках молодежью процессов сельской занятости и ее предпочтительных форм по исследуемым регионам выявлено не было. В качестве оснований различий выступили гендер, возраст, семейное положение, выбор типа поселения. Исследование продемонстрировало неоднозначное отношение сельской молодежи к анализируемым формам занятости, однако для многих сельских жителей оказался желателен гибкий график работы, позволяющий практиковать разные виды активности. Мнение молодых людей относительно новых для села форм нестандартной занятости (на примере

вахтового метода работы, удаленной работы и фриланса) условно можно разделить на три группы. Первая группа демонстрирует позитивное отношение и готовность трудоустроиться без оговорок. Вторая группа допускает трудоустройство вахтовым методом и на удаленную работу только при отсутствии других вариантов занятости и в случае крайней необходимости. Третья группа выражает нежелание прибегать к удаленной работе, фрилансу и вахтовому методу работы при любых условиях.

Так, мнения информантов о предпочтительности гибких форм занятости и вахтового метода разделились: для одних более привлекательна вахтовая работа: «Лучше вахтовая: неделю отработать, неделю дома. И это опять же, когда ты уже не учишься, не во время учебы такой график» (Инф. 23, Самарская обл.), для других — удаленная: «Тоже удобно. Именно удобно для тех, у кого семья» (Инф. 21, Саратовская обл.). Тем не менее, в условиях совмещения учебы и работы иногда привлекательнее занятость с гибким графиком или со сдельной оплатой труда, хотя в этом случае тоже могут быть некоторые ограничения: «Курьером или регистратором фирм. Это человек, который регистрирует фирмы, у него их 3–4 за неделю, регистрация одной фирмы — порядка 5 тыс. рублей. Но на такую работу принимают с 21 года» (Инф. 23, Самарская обл.).

Позитивное отношение к вахтовому методу работы иллюстрируется следующим высказыванием информанта, в котором представлена семейная стратегия занятости мужчин: братья «тоже здесь проживают. Один женатый, семья, двое детей. Оба брата работают в Москве, вахтовым методом. Так же, как и муж». При этом информант отмечает, что использование такого рода занятости «самой, пока ребенок — неудобно, удаленные формы занятости не пробовала» (Инф. 22, Саратовская обл.). Аналогичная позиция представлена в следующем высказывании молодой мамы: «Папа работает вахтовым методом, ездит на заработки в Москву», при том что брат «просто в Москве живет, уже больше 5 лет». Информант исключает для себя вахтовую работу в качестве возможной трудовой практики, предпочитая стандартный график труда и отдыха: «Вахтовая — точно нет. У меня маленький ребенок. Скорей всего, мне бы подошел график обычный, пятидневка, суббота — воскресенье выходной. И с 8 до 5» (Инф. 4, Волгоградская обл.).

Другая молодая женщина-информант отмечает удобство графика вахтовой работы, возможность устроиться по рабочим специальностям, не требующим профессионального образования. Данная установка информанта сопровождается позитивным восприятием как вахтового метода, так и удаленной работы, готовностью к режиму отъезда на месяц: «Почему бы и нет? Я это тоже считаю нормальным. Смотря кому как удобно. Например, если люди выезжают с деревни, могут ездить в Москву, в Саратов, в другие города, вахтовым способом удобно. Например, две недели люди работают и приезжают». Учитывая свой семейный статус и двух детей, отсутствие профессионального образования, информант все же считает допустимым использование вахтового графика работы: «Я бы не отказалась. Любая работа на данный момент. Я не выучилась, поэтому можно и вахтовым способом» (Инф. 21, Сара-

товская обл.). Этот вариант рассматривается как запасной, как неквалифицированная деятельность, уместная в случае отсутствия образования и востребованной профессии.

Таким образом, при оценке допустимости выбора вахтового метода работы заметно влияние семейного положения, наличия детей. Гендерно обусловленные стратегии занятости способствуют тому, что молодые женщины признают возможность и даже желательность вахтовой работы для мужчин, но затруднения ее использования для женщин, придерживающихся традиционных гендерных ролей: мужчина-добытчик, женщина — хранительница семейного очага.

Часть информантов согласны работать на условиях вахтовой и удаленной занятости в качестве вынужденной, приспособительной меры: «В принципе мне не привыкать. Я бы работал и так, и так» (Инф. 19, Саратовская обл.). В качестве предпочтительной работы «сейчас молодежь выбирает ту профессию, на которой они могут больше заработать, и, например, ту специальность, которая более востребованная» (Инф. 21, Саратовская обл.), что не всегда соответствует представлениям о вахтовой и удаленной работе, которые «не особо привлекательны» (Инф. 2, Волгоградская обл.).

Удаленная работа, на наш взгляд, может рассматриваться как форма преодоления территориальных границ «город-село» и стать предпочтительной формой занятости сельской молодежи, поскольку позволяет совмещать достоинства сельской жизни — чистый воздух, экологичность, размеренный образ жизни, о которых говорил ряд информантов, с дистанционной работой. Интернет-коммуникация позволяет одновременно получать задание или отчитываться о его выполнении, а также гибко планировать свой рабочий день, получая больше ресурсов для совмещения семейных и трудовых функций. Так, один из информантов предпочитает вахтовому методу дистанционную занятость: «...такая форма, как вахтовая меня не привлекает... Я бы предпочла гибкий график работы. Чтобы работать можно было, не сидя в офисе, а на расстоянии» (Инф. 1, Саратовская обл.). Другой пример также показывает предпочтения в выборе гибкой формы занятости: «...сейчас бы я уже хотела работать, чтобы был гибкий график, 2/2, или 3/2, 2/3, но вахтовый — точно нет» (Инф. 5, Волгоградская обл.). Исследование продемонстрировало мнение, что молодежь, испытывающая недостаток торгово-развлекательного пространства, социально-образовательной инфраструктуры, не считает возможным компенсировать данные ограничения дистанционной работой: «Для молодежи здесь нет никакого интереса» (Инф. 12, Самарская обл.).

Таким образом, в большей степени вахтовый метод рассматривается как узнаваемый, достаточно жизнеспособный, но используемый преимущественно мужской частью сельского населения, хотя и не являющейся распространенной практикой, тогда как большая лояльность к дистанционным формам занятости проявилась у девушек, имеющих семейные обязанности. При этом значительная часть информантов выразила неготовность работать удаленно и оказалась не осведомлена о возможностях такой занятости.

Территориальная специфика городских и сельских поселений выступает как стратифицирующий фактор, продуцирующей неравенство условий жизни молодежи, разделяя ее на группы с разными возможностями получения медицинских, социальных, образовательных услуг, потенциалом трудоустройства и профессионального развития, творческой самореализации [9]. При этом Всероссийская перепись населения свидетельствует о тенденции депопуляции малых сел, движении локальных миграционных потоков «от периферийных сел к центрам сельских поселений» [10].

Показательны предпочтения сельской молодежи в выборе места жительства и занятости, определения жизненных стратегий. Для одной группы опрошенных предпочтительнее переезд в крупные села и города, где более привлекательны и разнообразны возможности рынка труда: «естественно, из деревни, я думаю, каждый мечтает уехать, то есть, хотела бы», «на то она и деревня: конечно, с городом не сравнить ни по качеству жизни, ни в остальном» (Инф. 20, Саратовская обл.).

Другая группа подчеркивает вынужденность и необходимость переезда из села в город в целях поиска работы при сохранении предпочтений проживания в сельской местности: «В Самаре не очень чисто, а на селе — дороги замечательные, воздух замечательный, вода замечательная, Интернета только не хватает замечательного» (Инф. 11, Самарская обл.). Это становится одним из базовых препятствий к использованию удаленных форм занятости и фриланса сельской молодежью, поскольку напрямую зависит от развитости и надежности информационной инфраструктуры, мобильной телефонии и интернет-связи, позволяющей осуществлять банковские транзакции и платежи.

Третья группа молодежи определяет проживание в селе как неудачу, а трудоустройство в селе — как способ набраться опыта, без которого трудно устроиться на работу в городе, при ведении параллельного поиска вариантов переезда, а затем и обоснования в городе: «...я приехала сюда, чтобы, ну за опытом, чтобы у меня был опыт работы. Когда бы я приехала в город, позвонила, когда меня спросили: опыт работы есть? Я сказала бы: да, есть» (Инф. 20, Саратовская обл.).

Четвертая группа связывает свою позицию с постоянным проживанием на селе: «...я всегда думала, что я уеду, отучусь, а потом вернусь обратно. Потому что жить мне нравится именно у себя» (Инф. 18, Саратовская обл.). Для развития села важно поддерживать желание молодежи оставаться жить и работать, не уезжая в город, получив необходимое профессиональное образование, которое позволит внедрять инновационные технологии в сельское хозяйство, животноводство, производство. Такая позиция по профессиональному становлению в селе и во благо его развития не связана с использованием вахтовой работы, хотя временно допускает удаленную: «...сейчас я бы хотела совмещать работу с учебой. На данный момент я бы предпочла работу с гибким графиком. Вахтовая работа мне не подошла бы. Удаленная — возможно» (Инф. 9, Волгоградская обл.).

Межрегиональные сравнения стратификационных факторов занятости демонстрируют схожие характеристики выбора молодежью места прожи-

вания и предпочтений в формах занятости. В первую очередь предпочтительны стандартные формы занятости, а также традиционные формы нестандартной занятости, такие как неполная, сезонная занятость, вахтовый метод работы. Среди стратегий трудовой миграции наиболее популярен переезд из села в город на постоянное место жительства с целью трудоустройства, затем стратегия временного переезда в город с целью заработка или воспитания ребенка в условиях развитой социальной инфраструктуры с последующим возвращением в село. Существует стратегия трудоустройства в селе и получения минимального опыта работы для последующего переезда в город, в том числе, используя метод вахтовой работы, а также стратегия осознанного выбора проживания в селе и профессионального становления в нем.

В итоге такие формы нестандартной занятости, как удаленная работа и фриланс, популярные среди городской молодежи, оказались практически не задействованными сельской молодежью. Вахтовый метод работы довольно интенсивно используется, хотя имеет противоречивый эффект в виде периодического оттока рабочей силы, влияя на стагнацию аграрного сектора, но одновременно молодежь сохраняет место жительства на селе, обеспечивает приток финансовых ресурсов из городов или других регионов. Социологический анализ стратификационных процессов занятости позволяет учитывать доступность и качество рабочих мест в соотношении с территориально-административным типом поселения, особенности перераспределения спроса и предложения рабочей силы на локальном рынке труда, изменения соотношения форм стандартной и нестандартной занятости сельской молодежи.

Библиографический список

1. Гимпельсон В., Капелюшников Р. Нестандартная занятость и российский рынок труда. М., 2005.
2. Цыганкова И.В., Базжина В.А., Никишина О.Ю. Развитие нестандартных форм занятости в современной России // Российское предпринимательство. 2014. № 24 (270). С. 71–86.
3. Камарова Т.А. Понятия, виды и формы «нестандартной занятости», нормативно-правовая основа их применения // Human Progress. 2015. Т. 1, № 1. С. 1–16.
4. Великий П.П. Неотходничество, или лишние люди современной деревни // Социологические исследования. 2010. № 9, С. 44–49.
5. Калугина З.И. Инверсия сельской занятости: практика и политика // Экономические проблемы развития регионов. 2012. № 2 (74). С. 45–67.
6. Мартынова О.В. Удаленная занятость в России и перспективы ее развития // Молодой ученый. 2016. № 2. С. 542–545.
7. План мероприятий по привлечению молодых специалистов для работы в сельской местности. URL: //base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW.
8. Харченко В.С. Образ жизни российских фрилансеров: социологический анализ // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 54–63.
9. Явон С.В. Поселенческий фактор формирования жизненных приоритетов молодежи // Социологические исследования. 2013. № 8. С. 71–80.
10. Быченко Ю.Г., Шабанов В.Л. Влияние миграции на демографическое и этноструктурное развитие российского села // Мир России. 2014. Т. 23, № 1. С. 167–187.